

Далекие Земли простирались через безграничный пейзаж как бесконечная пустыня треснувшей земли и сухой кости, которая висела под болезненным, умирающим небом. Это была сплошная массивная сухая равнина, которая с трех сторон была забита массивными горами, вырезанными ветрами или богами, в зависимости от того, кого спросили и кто поверил. Таким образом, получилось, что Далекие Земли – гигантский след - отпечаток пятки образовал три горных хребта, а палец выкопал море.

Пики лежали на западе, бегая по центру Алтароса и на главном континенте. Они присоединились к Крутящимся шпилям, которые лежали на юге в направлении Малифора по узкому перешейку, который присоединился к двум воюющим народам. На восток лежали Пики, захватывающие конечную сторону Далеких земель по суше. Эти три каменные стены служили полезной цели - отделить Далекие земли от столицы и, таким образом, отрезать их от остальной части Алтароса.

Четвертая сторона лежала к северу и открывалась к холодному морю, и ее мутная черная вода врзалась в шпили из скрученной скалы, которая выросла из береговой линии. Холодные ветры дули из единственного источника влаги, которые могли бы найти эти земли; ни один другой водоносный ветер никогда не пройдет мимо блокады гор. На самом юге земля кормилась из стока, рожденного в растопленных снежных полях Закрученных шпилей. Там были жалкие реки, но этого было достаточно для отчаянной жизни, за которую можно было цепляться.

Это было в центре Далеких Земель, наиболее удаленных от моря и ручья, где земля плакала солью и песком. Сломанная земля и палящее солнце без капли воды в тысячах шагов означали тощую растительность и мучительную смерть. На земле не было даже трупов; не было достаточной жизни, чтобы оправдать их присутствие. Жестокий знак природы на этих землях был достаточно суровым, но человек нашел его в нем, чтобы сделать еще больше.

Земля была заполнена мараем: дикая, неконтролируемая магия. Магия была привязана к ее заклинателю в жизни, две составляли пакт по назначению и в крови. Тем не менее у него было два состояния, один из порядка и один из беспорядков. Когда оно исходило из тела, образованного из разлагающейся души, это было махджи - чистая магия, способная формироваться. Тем не менее, как утверждает смертная казнь, эти пакты с ныне мертвыми распущены с течением времени. И поэтому чистая магия стала дикой магией.

Ее можно было увидеть в воздухе, отличительный оттенок неканализованной тайной власти, смещающейся от темно-фиолетового до темно-зеленого, когда она жадно пожирала землю. Разлагающаяся магия воевала между двумя ее государствами, оставляя воздух тяжелым с обугленным запахом статической и постоянно потрескивающей молнии. Марай держался, не в силах найти выход из пределов гор, создав в качестве закрученного зеленого тумана, который окутал небо и заставило красные звезды светиться неестественным светом, пока они почти не смыли черное небо. Удушающий дым улавливал тепло от солнца и поглощал дождь, оставляя всего лишь самую скудную воду из туманов, которые врывались из холодного моря на север, чтобы прокормить редкие травы, растущие из сожженной солнцем земли.

Столица использовала эти земли для распоряжения своим мараем, чтобы оставлять тут останки и остатки магии, которые больше не использовались. Они собирались в воздухе и на суше, пока не исчезло небо. Это был проклятие на земле, и она плакала в пустынной сцене перед ней.

Сухие кости засоряли горизонт, потому что она была еще на севере, и жизнь еще не умерла,

тишина равнины стала оглушительная, когда она эхом отошла от отвесных скал. Нет комаров, чтобы откладывать яйца в мертвых, нет личинок, чтобы пожирать распадающуюся плоть - жара приготовила их в яйцах, и постоянная засуха заставляла немногих выживших умирать медленной, мучительной смертью. Казалось, что сама земля сжалась над несчастными существами, которые здесь жили, убивая их в своей жестокой милости. Она с горечью рассмеялась, насколько уместно, что она, умирающий негодяй и сирота всю свою жизнь, должна наконец найти свой настоящий дом и родственников среди этих больных существ.

Не было места для немощных и слабых в этих суровых землях, на этих сломанных землях, которые были сами по себе, как голодный змей, жующий свой собственный хвост. Дикая магия убила многое, что там жило, ее убийственная воля иногда была милостивой, изредка длинной и болезненной, когда страдальцы наблюдали за своими волдырями и пахнули зловонием гнили, просачивающимся сквозь заполненные гноем трещины в их седой плоти. Марай был непостоянным по своей природе, непредсказуемый в своем распаде, поскольку это было в конечном счете смертельным.

Для многих зверей здесь многочисленные трупы умирающих были самым простым источником пищи и воды. Другие охотились на скудных лугах, которые становились ближе к побережью, убивая тех, кто падал на редких сорняках. Это была не что иное, как пустошь ненасытной магии и пылающей жары, которая лежала к западу от столицы. Это была отвратительная толпа бесполезных и безумных, непригодных для жизни и нежизнеспособных.

Это были Далекие Земли.

Она побежала туда, чтобы убежать от охотников за ведьмами, даже самые смелые из них не посмели бы войти в эту страну. Но теперь, когда она увидела представленные перед ней Далекие Земли, она почувствовала, что в ее сердце чувствуется тонущее чувство, которое медленно съедает ее желание жить. Умирающая девушка горько кашлянула, давая слабую улыбку, когда она шептала сквозь потрескавшиеся губы.

«Кажется, я ничего не могу сделать, кроме того, что я показываю для богов дурацкое шоу». Просто эти несколько слов послали пронзительную боль из ее живота вверх по ее позвоночнику, заставляя ее мускулы сжиматься в агонии, и ее дыхание превратилось в огонь в ее легких. Ее тело рассыпалось; это не было бы первым, кто сделал бы это здесь.

Сжимая зубы, она подняла взгляд, вытянув шею, чтобы взглянуть на небо, покрытое этим отвратительным зеленым туманом. «Надеюсь, я заставила вас смеяться, все мои дорогие лорды и дамы. Для моего следующего трюка, я думаю, я исчезну. Не беспокойтесь о продолжении». Она тихонько усмехнулась, прежде чем кровавый кашель судорожно сжал ее грудь и заставил ее упасть на колени. Она прижала руку к ужасной травмированной плоти, покрывающей ее живот, запечатала рану зажженными языками огня. Несмотря на то, что она изо всех сил старалась вытащить осколки лезвия, разбитого в животе, после того, как она убила его владельца, кусочки металла все еще пронзили незажившую плоть, создавая новые невидимые рваные раны под поверхностью.

«Проклятые охотники за ведьмами с их трижды проклятым серебром». Она кашлянула, когда ее попытка подняться на ноги заставила кусочки металла вонзиться зубы в зубы в ее плоть. «Это не убивает меня больше, чем сталь, но все равно чертовски больно».

Как гнездо шершней, они врывались в ее плоть и посылали через нее волны неумолимой боли и тошноты. Мимолетная мысль перешла ей в голову, возможно, от боли, возможно, от отчаяния - выковырять их.

«Ах, почему бы и нет? Могла бы это сделать. В конце концов, самое худшее - я умру». Слова произнесли болезненный смешок сквозь нее, когда она улыбнулась кровавой улыбкой. «Если мне повезет, я не умру здесь. Тогда я смогу умереть позже».

Девочка, выбранная богами, с грохотом упала на большой камень. Гладкий, выветрившийся камень был горячим от света солнца, когда она прислонилась спиной к нему с мягким шипением дискомфорта. Ее сердце билось, несмотря на ее попытки сохранять спокойствие, ее пульс скакал, как лошадь, полным галопом. У нее была только идея, а не план. Теперь она хваталась за соломинку, эта лента надежды в ее груди вызывала боль намного больше, чем скучная пустота поражения. В ее мозг попал образ умирающего человека, связанного веревкой шипов. Борьба за жизнь была болезненной, но только слабая воля принимала смерть.

Чувствуя, что ее дыхание становится медленным, и она успокаивается, она пристрастилась к боли, которая возникла бы из ее борьбы. Шрам на ее ране мог спасти ей жизнь на данный момент, но она должна была удалить его, если бы хотела вылечиться. Там была гниль под гнилью и кровь из осколков серебра, зарытых в дюймах от ее живота. Это было бы ужасно и кроваво, но не было другого выбора для ее выживания.

Ей пришлось бы разрезать рану и вырезать их.

Коротким кинжалом в трясущейся руке, она сорвала ткань с кровавой рубашки, как тряпку для рта. Птицы кружили над ней, растрепавшись от хриплых криков. Они были темными предзнаменованиями, потому что птицы могли чувствовать запах смерти. И девушка, конечно же, умирала. Во что бы то ни стало, ее собиралась забрать еще ближе к смерти.

Ее пальцы сжались вокруг грубой ручки лезвия, когда он впился в плоть живота поцелуем холодного стального листа. Кровь засверкала на кинжале, которым она разрезала свой живот, вырезав разрушенную плоть, которая горела пламенем. Когда края шрама разошлись, отвратительный запах гноя наполнил ее ноздри, вызвав слезы в глазах. Она была гнилой, тошнотворной. Желчь жгла горло, когда ее живот вздымался, непроизвольное движение посылало новые копы белой горячей боли в ее спину.

Плоть под ней была темно-розовая с пленкой прозрачной белизны, кровь текла свободно, как река, когда болезненный сладкий запах гниения заставил ее сердце упасть. Это гниение не было от обычного лезвия. Над ней, все больше и больше собирались птицы.

В кусочках лезвия был яд.

Эта тонкая лента надежды, которая висела перед ее глазами, теперь была безнадежно вырвана из досягаемости, издеваясь над этими богами, выбрала ее или, может быть, дьяволом, который сделал ее ведьмой. В минуту бреда она задавалась вопросом, были ли они одним и тем же самым, только один, беззаботный бог, наблюдавший за ней сверху со всезнающей апатией. Она могла видеть его форму в зеленом небе над ней, видеть его глаза в сверкающих звездах. Они красиво мерцали, когда она умерла.

Воспоминание мелькнуло в ее голове, когда безнадежность погрузилась глубоко в ее кости, мимолетная память о девушке, за смертью которой она наблюдала, и воспоминание о ненависти и сожалении, которые проносились через ее кровь. В тот день она плюнула на богов, она сделала все возможное, чтобы отрицать свою волю в ее жизни. Если бы они искали ее мертвой, если бы они хотели рассмеяться о тщетности своих последних моментов, она бы назвала их и прокляла их лица. И она будет жить.

«Извините, что разочаровала вас, но я думаю, что я решила пожить немного дольше», -

выпала она. «Я все еще должна отомстить всем за свою сестру». Если боги пожелали ей умереть, она бы жила.

Эта решимость - это то, что заставляло ее сердце биться. Добравшись до разлагающейся раны, она пощупала пальцами, чувствуя металл. Она чувствовала, как осколки проникают в ее плоть, ощущала боль, когда они вырезали ей новые раны. Ее желудок сотрясся, и ее глаза размылись от тошноты, но она вытащила одну часть дрожащими пальцами, жестокий металл сверкал на свету. Ей потребовалась целая вечность, чтобы вытащить остальное, нервы ее раны стали притупляться, когда она изо всех сил пыталась противостоять подавляющему стремлению встать. Лужа крови вокруг нее была жуткой, поскольку она привлекала все больше падальщиков, ожидающих ее смерти. Наконец, она не нашла больше серебра среди гниющей плоти, чувствуя лишь призрачные боли, которые пронзили ее кишки. Ее лицо было белым; ее быстрое сердце отбивало бешеный пульс. Ее окровавленная рука застыла от напряжения; ее грудь вздымалась, когда она выпустила дыхание. Крики птиц над ней становились все громче.

В ране был яд, но теперь она не могла его исцелить. Даже когда она подумала об этом, она зашипела на большое кошачье создание, которое отважилось подойти к ней слишком близко. Он смотрел на нее, ноздри вспыхивали, когда он унюхал кровь, но кинжала в руке была достаточно, чтобы отгонять его. Ей нужно было двигаться, чтобы спрятаться. Тем не менее, когда она попыталась встать, массивное копье агонии задрожало вверх по ее позвоночнику и вырвало дыхание из ее легких, как когтистая рука, ее тело сжалось в полном рефлекс, когда рана в животе разорвалась. Свежая кровь пролилась, когда она прижала руку к животу, вздрогнув от боли.

Запах, который поднимался из раны, был знаком, вызвав воспоминание, когда ребенком она училась у старика в Телавире и потянула за маленькую банку с голубым цветком внутри. Верх был плотно завинчен, поэтому она бросила его на землю, разбив стекло, прежде чем она наклонилась, чтобы забрать цветок. Когда она коснулась его пальцем, ее кожа онемела, посылая кровь, бросающуюся на поверхность, и окрасив ее кожу в глубокий розовый цвет. Когда старик вошел, увидел цветок в ее руке, он выбил его из ее хватки с криком, с ужасной яростью на лице. Подняв один из осколков стекла на полу, он врезался в ее палец клинком, не обращая внимания, когда она закричала и заплакала от страха.

Из этого небольшого разреза полилась кровь как из открытой бутылки, сбежала по ее руке и капала на пол. Поток отказался остановиться, даже после того, как он приложил тряпку к ее коже. В конце концов, старый профессор использовал какую-то гадкую мазь из шкафа, чтобы закрыть рану и остановить кровотечение. Когда она спросила его о цветке, он просто ответил, что это морозная лилия. Он сказал ей, что она маленькая и ничем не примечательная, но смертельно опасная, опаснее, чем любой клинок. Тогда он улыбнулся, сказав, что она похожа на нее.

Так она получила свое имя.

Воспоминание исчезло, и девушка с именем убийцы вернулась к настоящему. Она теряла кровь со скоростью, которая оставила бы ее мертвой через несколько часов; извлечение осколков серебра было необходимо, но только ускорило ее неизбежную смерть. Она не могла удалить яд без необходимых материалов, но она все равно могла купить время для лечения. Этого было бы достаточно.

Все еще кровоточащая из отверстия в животе, Лили впиалась в свои скудные запасы, чтобы выловить болезненно тонкий мешочек с водой. Вырвав полоску ткани, она как можно лучше очистила рану, сжимая зубы, когда тошнота закружила ее голову. Необходима сточная вода -

инфекция победит цель того, что она собирается делать. С каждой каплей, которая вылилась из фляги, она знала, что теперь она предана своей задаче. Нет, скорее, она была предана давным-давно. Ее жизнь - все ее прошлое и все ее будущее - ей нужно будет все это сделать в ближайшие несколько минут.

Вспоминая свои уроки во дворе с престарелым профессором, она вспомнила их дискуссии о магии и времени. Она вспоминала бесконечные теории об их сложных отношениях, казалось бы, неустанный поток слов, которые вытекали из его рта. Теперь она хотела, чтобы она уделяла им более пристальное внимание, но она достаточно хорошо разбиралась в этой игре. Она не могла остановить время, но она могла замедлить его прохождение. Это заклинание не сделало бы ничего, чтобы удалить яд, это просто продлит ее смерть. Это была небольшая возможность.

Других вариантов для нее не было.

Лили впиалась в сумку, прежде чем найти то, что искала. Она разбила три фиолетовых кристалла, которые быстро рассеялись в воздухе в виде тумана. Кристаллизованный маджиджи, воплощенная сила. Величайшая сила, известная человеку, с могуществом в руках опытных, которое способно снести город в мерцании мысли. Они были куплены у благодетеля в Телавире, торговца на черном рынке. Ей нужно было использовать эти кристаллы для заклинания, которое она собиралась бросить; ее собственное тело было проклято не иметь маджиджи. Если ей не удастся закончить заклинание такого масштаба, люфт наверняка убьет ее.

Она чувствовала, как сырая безупречная сила чистой магии безуспешно трескается, когда она смешивается с пропавшим, одичалым мараем в воздухе. Она боролась за то, чтобы держать ее под контролем, шепча поспешные заклинания, чтобы остановить ее разбросанное распространение. Любое скольжение ее концентрации угрожало отправить ее магию в необратимый распад. Условия вряд ли были идеальными, чтобы проверить ее теорию - теорию своего учителя, но у нее не было больше времени.

С закрытыми глазами ее тело раскачивалось, когда она принимала фиолетовый маджиджи, вытягивая его из воздуха вокруг нее. Сифонированная магия вонзила свои пальцы в живот и закружилась по ее телу, согревая вены и ускоряя пульс. Естественный центр магии для объединения был в основании живота, но ее рана оставила ее чувствительной и обнаженной, что еще больше мешало уже почти невозможному заклинанию. Жужжание в ее висках швырнуло по ее спине, когда ее видение стало яснее, ее нервы горели, покачивая при малейшем прикосновении. Вот оно, безумная эйфория магии, которая изогнула много умов и сломала еще много.

Не останавливаясь, чтобы упиваться ее восхождением, она начала свое пение, слова, дающие форму маджиджи, которая текла в ее теле, сила, изливающаяся на нее, чтобы следовать за ее предложением. С магией слова произвели каденцию, пульс для волшебства, чтобы течь с этим, чтобы соответствовать биению мира вокруг нее. Значение не требовалось, просто ритм, и она чувствовала, что волшебство следует в потоке, который рос с каждым ударом ее пения. Это был шнур из тонких фиолетовых усиков, медленно размахивающих от кончика ее пальца. Он раскололся в шнур, который обернулся вокруг ее пупка, обмотанный вокруг ее раны.

Лили почувствовала, как магия остановила все, закрыв печать, замедляя даже время до слабого сопротивления. Теплота надежды наполнила ее, когда она почувствовала, что обильное кровотечение замедлилось, пока оно почти не прекратилось полностью. На мгновение она подумала, что это сработало. С раной, запечатанной во времени, она сможет скрыться и исцелиться. Она сможет выжить.

Она должна была знать лучше.

Боги всегда смотрели в жестоком развлечении, и она не находила себе покоя от их мучений в этой жизни. Умиравшая девушка была почти мертва, но внезапно поспешила из нее иссякла последняя магия, когда сила из кристаллов истощилась, и она почувствовала тяжесть ниже грудины. Шнур магии тянул ее душу силой богов. Боль была невероятной и жгучей, но она не остановила ее повторение – это наверняка убьет ее.

Ее зрение сузилось, края стали черными, когда она рухнула на землю, кровавый рот двигался в безумном потоке слов, отчаянно сохраняя пение с ее угасающей силой воли. С последними восемью словами девушка запечатала пение словами привычки, их смысл никогда не был более ясен ей, чем сейчас: клятва в крови, клятва в жизни. Жадная магия подталкивала ее жизненную силу, поскольку она брала свою долю соглашения, ее избитое тело, наконец, сдалось, когда ее голова упала.

Крики птиц над ней затихли.

<http://tl.rulate.ru/book/8591/164736>